

КОМПАРАТИВИСТИКА
COMPARATIVE STUDIES

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-4-671-681
УДК 821.581

Научная статья / Research article

**Культурные коннотации образа восприятия эмигрантов
в китайском этническом сознании 20–40-х годов XX века
на материале китайской литературы и публицистики**

Ши Лю

Амурский государственный университет
Российская Федерация, 675027, Благовещенск, Игнатьевское шоссе, д. 21
228349909@qq.com

Аннотация. Актуальность исследования определяется интересом современного гуманитарного знания к изучению образа «чужого», исследованию механизмов рецепции инокультурного и иноэтнического мира в процессе межэтнического и межкультурного взаимодействия XX века. Новизна обусловлена привлечением материала публицистических и художественных текстов китайских авторов «левого» и «правого» крыла в их сопоставленности с историко-политическими и лингвокультурными реалиями 20–40-х годов XX века. Проблема исследования состоит в корреляции этнокультурных, этнопсихологических и социально-политических коннотаций образа восприятия эмигранта в китайском этническом сознании. Целью исследования является изучение лексико-семантических трансформаций понятия «эмигрант» в контексте китайской идеологии и китайской литературы 20–40-х годов XX века, а также выявление индивидуальных черт художественного восприятия эмигранта китайскими писателями. Методология исследования опирается на имагологический подход к исследованию литературы с привлечением этнопсихологических наблюдений. В работе использованы историко-литературный, сравнительно-исторический, лексико-семантический методы, а также приемы переводоведения. В результате исследования обнаруживается, что в китайских художественных и публицистических текстах указанного периода преобладает негативный художественный образ восприятия эмигрантов – «белоэмигрантов». Таким образом, негативная семантика культурных коннотаций понятия «эмигрант» в китайском этническом сознании 20–40-х годов прошлого века, с одной стороны, отразила реальные обстоятельства эмигрантской жизни и эмигрантского сознания; с другой стороны – запечатлела сложные общественно-политические и этнопсихологические процессы, протекающие в китайском обществе, затрагивающие глубинные основания китайской культуры и китайской этничности.

Ключевые слова: китайская литература, белоэмигрант, этническое сознание, культурная коннотация, художественный образ восприятия

© Лю Ши, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности и финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-012-00318 «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)».

История статьи: поступила в редакцию – 10 сентября 2020 г.; принята к публикации – 22 сентября 2020 г.

Для цитирования: *Лю Ши.* Культурные коннотации образа восприятия эмигрантов в китайском этническом сознании 20–40-х годов XX века на материале китайской литературы и публицистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 4. С. 671–681. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-671-681>

Cultural connotations of the image of perception of emigrants in Chinese ethnic consciousness of the 20–40s of the 20th century based on the material of Chinese literature and publicism

Shi Liu

Amur State University
21 Ignatievskoe Highway, Blagoveshchensk, 675027, Russian Federation
228349909@qq.com

Abstract. The relevance of the study is determined by the interest of modern humanitarian knowledge in the study of the image of the “alien”, the study of the mechanisms of reception of the foreign and other ethnic world in the process of interethnic and intercultural interaction of the 20th century. The novelty is due to the involvement of the material of journalistic and artistic texts of the Chinese authors of the “left” and “right” wing in their correlation with the historical, political and linguocultural realities of the 20–40s of the 20th century. The research problem consists in the correlation of ethnocultural, ethnopsychological and socio-political connotations of the image of the perception of an emigrant in the Chinese ethnic consciousness. The aim of the research is to study the lexical and semantic transformations of the concept of “emigrant” in the context of Chinese ideology and Chinese literature of the 20–40s of the 20th century, as well as to identify the individual features of the artistic perception of an emigrant by Chinese writers. The research methodology is based on an imagological approach to the study of literature with the involvement of ethnopsychological observations. The work uses historical-literary, comparative-historical, lexical-semantic methods, as well as techniques of translation studies. It is discovered that in the Chinese fiction and journalistic texts of the 20–40s of the 20th century the negative artistic image of the perception of emigrants – “white emigrants” prevails. Thus, in the Chinese ethnic consciousness of the 1920s and 1940s, the cultural connotation of the concept of “emigrant” had negative semantics. On the one hand, it reflects the real situation of emigrant life and emigrant consciousness; on the other hand, it captures the complex socio-political and ethno psychological processes that have taken place in Chinese society, affecting the foundation of Chinese culture and Chinese ethnicity.

Keywords: Chinese literature, White emigrant, Ethnic consciousness, Cultural connotation, Artistic image of perception

Acknowledgements and Funding. The work was financially supported by the RFFI grant No. 20-012-00318 “Images of Russia and China in artistic ethnography (based on materials from Russian and Chinese literature, journalism of Manchuria in the 1920s–1940s of the 20th century)”.

Article history: received – 12 September 2020; revised – 20 September 2020; accepted – 22 September 2020.

For citation: Liu, Shi. (2020). Cultural connotations of the image of perception of emigrants in Chinese ethnic consciousness of the 20–40s of the 20th century based on the material of Chinese literature and publicism. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(4), 671–681. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-4-671-681>

Введение

Работа этнического сознания определяется его направленностью на восприятие «чужого» и через это – на самопознание. Основой рецепции инокультуры в этническом сознании становится корреляция этнических стереотипов через преодоление фреймов восприятия (религиозных, политических, социальных, культурных и т.д.) [1. С. 33–35]. Условия, когда воспринимающий этнос сталкивается с проблемой рецепции эмигрантской инокультуры, обнажают и усиливают скрытые механизмы работы этнического сознания. Непосредственные межэтнические контакты, бытовой и даже возможный брачный опыт с эмигрантами помогают разрушить или скорректировать книжные этнокультурные стереотипы, существующие в сознании культуры-реципиента. Данные процессы работы этнического сознания мы наблюдаем в 20–40-е годы XX века в китайской культуре по отношению к культуре «бывших русских» – они запечатлены в публицистических и художественных текстах «левого» и «правого» крыла литературы, а также исторических документах, политических манифестах и т. д.

С начала 20-х годов прошлого века начинается новый этап восприятия китайцами тех, кого они привыкли называть «заморскими дьяволами» (洋鬼子, yangguizi). Этот опыт не только открыл китайцам иное знание о «всемогущих» «белых варварах», но эксплицировал неизвестные аспекты собственной этничности. После революции и Гражданской войны сотни тысяч беженцев из российского Дальнего Востока пытались спастись на территории Северной Маньчжурии – в Харбине, сохраняющем еще положение города, нетронутого революционными потрясениями, заселенного с начала века бывшими строителями Китайско-Восточной железной дороги и обслуживающим дорогу и ее жизнеобеспечение людом, а затем в Шанхае. Несмотря на этнические различия, всех беженцев (русских, украинцев, белорусов, евреев, поляков, литовцев, латышей, грузин, армян и других – всего около 35 национальностей) объединяло представление о бывшей родине – России, владение русским языком, общие беды изгнанничества [2. С. 3–18].

В восприятии китайцев эти люди также предстают в едином образе русских изгоев. В условиях острой политической борьбы, протекающей в Китае между сторонниками Коммунистической партии и Гоминьдана, восприятие эмиграции и эмигрантов становится призмой, сквозь которую политические противники рассматривают свое историческое прошлое, оценивают перспективы будущего и поверяют этничность.

В современном китайском литературном языке понятие «эмигрант» (侨民 qiáomín) имеет абсолютно нейтральное значение и определяется как 住在

外国而保留本国国籍的居民 (живущий за границей, но сохраняющий гражданство своей родины) [3. С. 1020]. Эмиграция (侨民(们)) – это собирательное именование для обозначения множества эмигрантов [4. С. 7417]. Прагматичные китайцы спокойно относились и относятся к проблеме эмиграции – они знают, что когда придет срок умирать, каждый истинный сын Поднебесной должен будет вернуться на родину предков. Таким образом, современные толковые словари китайского языка учитывают только географическую и пространственную семантику понятий «эмигрант» и «эмиграция», практически так же, как это было и при возникновении понятия. Но нейтральное значение понятия «эмигрант» не всегда было присуще китайскому лингвокультурному и этнокультурному сознанию.

Идейно-политическая коннотация понятия «эмигрант» в 20–40-е годы XX века в Китае

В разные эпохи у одних и тех же понятий возникают новые общественно-политические, религиозные, этносоциальные и этнокультурные коннотации [5. С. 147]. В 20-е годы прошлого века семантика слова эмигрант приобрела острые политические оттенки. В «Современном китайском словаре», опубликованном в 1933 году, понятие «эмигрант» (侨民, *qiáomín*) было расположено в синонимическом ряду со словом «белоэмигрант» (白俄侨民, *báiféiqiáomín*) и имело следующее толкование: «Русские, которые выступают против русской революции и Советов, живут в разных странах и помогают империалистам подавить революционное движение (反对俄国革命及苏维埃的俄罗斯人, 他们流落各国, 帮助帝国主义镇压革命运动)» [6. С. 124].

Долгие годы, вплоть до середины 1980-х годов, в китайском этническом сознании понятие «эмигрант» («белоэмигрант», с проекцией на политический, литературно-публицистический, научный дискурс) будет определять всех тех, кто волей или неволей оказался в Китае после Октябрьской революции, невзирая на их социокультурный уровень и этнические корни. При этом идейно-политическая коннотация практически вытеснит этимологию. Дополнительный иероглиф «белый» (白色的) превратит нейтральное до этого времени значение слова «эмигрант» в понятие с резко-оценочными смыслами.

Метаморфозе семантического значения социальной категории «эмигрант» в национально-политическую номинацию сопутствовали объективные общественно-политические обстоятельства. В 20–40-е годы прошлого века Китай переживал острые социальные потрясения: позади была эпохальная Синьхайская революция, приведшая к свержению многовекового маньчжурского владычества; шла напряженная война между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая (КПК), кроме того – перед Китаем нависла угроза японской агрессии. В этом контексте послереволюционная Россия, а затем и СССР и советские люди вызывают восторг, служат образцом (вспомним восторженные публикации Цюй Цюбо [7. С. 133]).

Иное дело – те, кто не принял русскую революцию и оказался в эмиграции. Китайские исследователи констатируют: «Белоэмигранты в китайском представлении утратили свою историческую и культурную привлекательность и сочувствие, они рассматривались как просто пассивный, историче-

ский обусловленный реликт: как яркое зеркальное отражение между двумя полюсами – царским империализмом и Советским Союзом, между двумя эпохами – царской Россией и Советской Россией, и даже между двумя революционными путями – идеологической и социальной революцией» [8. С. 78].

Образ восприятия «чужого» в публицистике и литературе [9. С. 246], или «культурные образы» [10. С. 180–181], как нельзя лучше эксплицируют этнокультурные стереотипы и фреймы (политические, религиозные, этнические) воспринимающего этноса. Китайской публицистике и литературе новейшего времени на протяжении почти всего XX столетия была присуща политическая ориентированность и идеологическая ангажированность. После Движения 4 мая (五四运动) 1919 года противодействие империализму стало основным направлением китайской идеологии. В это время Гоминьдан продвигал политику сотрудничества с Советской Россией и коммунистами. Позднее Советский Союз как крупнейший сосед стал центром идеологической ориентации в антиимпериалистической борьбе Китая [11. С. 71].

В 1927 году Гоминьдан объединил юг Китая и порвал с КПК, постепенно укрепляя диктатуру Чан Кайши [12. С. 1]. С 1928 года Чан Кайши и его правящая верхушка становятся объектами борьбы КПК, в том числе и на литературном фронте [13. С. 1]. Именно в этом контексте сформировалась проза о белоэмигрантах в творчестве прозаиков «Лиги левых писателей». Начало ей положили рассказы Цзян Гуанцы «Страдания Лизы» (1929) и «Поэт Ялов» Дин Лин (1932), повесть «Горе Софии» Сяо Хун (1936) и др.

Образ восприятия эмигрантов в литературе «левого крыла»

В конце 1920-х годов белоэмигранты становятся политическими врагами китайского пролетариата, угрожающими и Советскому Союзу [14], а с точки зрения конкуренции на рынке труда – экономическими врагами китайского пролетариата [15]. На протяжении 1927–1936 годов газета «Шэнь бао» (申报) публикует сотни материалов о жизни белоэмигрантов как разлагающихся социальных типов и «империалистических приспешников» [16. С. 119], «скрытых чужих» (Лу Синь) [17].

Такая политическая установка обусловила то, что в литературе «пролетарского направления» («левого крыла») образ эмигрантов (белоэмигрантов) обрел шаржевый, иногда доходящий до прямой карикатуры, характер. В произведениях, описывающих инцидент 1929 года (1) («красно-белый спор» в китайской трактовке), «ленивые эмигранты» становятся причиной возмущения «трудолюбивых» китайских рабочих: *«Забастовали китайские рабочие на водопроводном заводе иностранной концессии. Тогда отряды белоэмигрантских уголовников вторглись на завод. Концессионное правительство, желая, чтобы они помешали забастовке, заплатило им в пять раз больше денег, чем китайцам. Они хорошо поняли друг друга. Для этих ленивых белоэмигрантов – это благословение неба. Им не нужно много работать, они могут плавать в бассейне в такую жаркую погоду. Потому белоэмигранты вызвали возмущение китайских рабочих»* [18. С. 3].

В литературе антияпонского сопротивления (1932–1945) персонаж, желающий подчеркнуть свое отрицательное отношение к эмигрантам, обяза-

тельно ссылаясь на агрессивную политику царского правительства по отношению к Китаю, уравнивая действия России и русских с милитаристской Японией и японцами (Шу Цюнь [19. С. 169], Ма Цзя [20. С. 61] и др.).

В шанхайской литературе образ восприятия белоэмигрантов в таком карикатурном понимании реализует весь комплекс представлений о «заморских дьяволах», варварах, не имеющих морально-нравственных принципов [21. С. 8]. Не желающие признать «единственно правильную» родину – Советский Союз, живущие мечтами о прошлом России, эти люди (все как один – дворянского сословия) уподоблены диким зверям: «Эти “Ло Со” [22], которых в своей стране раньше называли “дворяне”, которые наслаждались прежде бесчисленными богатствами, сегодня – лишь частично люди, которые напиваются в хлам, шастают по улице туда-сюда, как призрак. Иногда они поют государственный гимн эпохи Николая – как похоронную песню. Они похожи на зверей, глупо ползают и блюют», – напишет Цянь Синцунь [23. С. 375]. Не случайно для них, в отличие от северо-восточных именованных «баймаоцзы» (белый волосатик), «лаомаоцзы» (старый волосатик) по отношению к русским, используется номинации «лосо», «лосун» (罗索, luósuǒ; 罗宋, luósòng) [24], в своей основе в китайской интерпретации связанные с понятиями «дикий», «страшный», «демонический».

Гендерные образы восприятия «чужих» – один их наиболее эффективных приемов литературной имагологии. От сатирического изображения «диких белоэмигрантов», иногда бросающихся на «настоящих» людей, автор переходит к гротескному изображению женщины «Ло Со» Маруси. Не случайно само произведение названо «Женщина Ло Со» (罗索的女人, luósuondeǔrén), подчеркивая одновременно типичный и безликий характер русских эмигранток. Эта «дамочка», супруга почтальона Хисотьева, женщина без совести и чести, продает себя американскому дельцу.

При этом есть отдельные группы эмигрантов, по отношению к которым клишированность и гротескность изображения не употребляется по социальным и этническим признакам – это в первую очередь *нищие*.

«Цивилизованное» поведение русского изгоя (рассказ «Эмигранты» Чжоу Лэнцзя) делает его в глазах образованного китайца равным человеком – потому, уважая его, рассказчик не может подать ему милостыню: *«Выхожу за порог, иду по улице, передо мной лицом к лицу стоит человек, снимает передо мной шляпу, – вот он, эмигрант. Я внешне равнодушен к нему. Но наши сердца перекликаются. Каждый раз, когда он видит меня, он снимает шляпу и улыбается. Эта горькая улыбка. В этой улыбке я вижу его прежнюю роскошь и нынешнюю бедность. Однако я ничего не даю ему, потому что не знаю, уместно ли жертвовать русскому нищему так же, как обычному китайскому нищему»* [25. С. 6]. Данная этнопсихологическая деталь весьма показательна и обнажает двойственность китайского этнического сознания: с одной стороны, эти русские эмигранты – «баймаоцзы», дикие и не знающие китайской традиции, к тому же утратившие свой социальный статус. С другой стороны, образованный китайский писатель, благоговейно взирающий на европейскую культуру, не может не видеть благородства и высокого культурного уровня встречаемого им каждый день «бывшего человека». По-

добные мысли выскажут Чэн Бибин [26. С. 5], писатель, творящий под псевдонимом Вэй [27. С. 14], Цзинь И [28. С. 13].

На наш взгляд, в таком восприятии проявлена «босая мифология», присущая произведениям раннего М. Горького, столь популярного в литературе «левого крыла» той поры. Опираясь на «босаяческую парадигму» в отношении образа восприятия эмигрантов-нищих, китайские писатели одновременно создают и образ самовосприятия. Автобиографические герои-китайцы сквозь призму своего отношения к нищим русским изгоям демонстрируют столь необходимые для конфуцианской этики качества «совершенного мужа (жень)» (圣人): благородство, справедливость, доброту, честность, внимание и чуткость к чувствам и нуждам людей, чувство такта и чувство приличия [29. С. 35–36].

Несколько иные коннотации приобретают образы эмигрантов в литературе Гоминьдана [30. С. 11], ставшей во главу угла не классовую борьбу, а националистические идеи [31. С. 33]. Образы восприятия эмигрантов стали необходимы, например, писателю Хуан Чжэнься как пример национального героизма [32]. В романе «Лунхайские линии» (1930), рассказывающем о «Войне центральных равнин» (2) и битве в Хэнань, выведены образы солдата Багрова, командира роты Гу, командира взвода Сергея, капитана Юй Идэ, лейтенанта Юй Ганькэ, Дягирова и Анисимова [33. С. 12]. Их характеры отчетливо индивидуализированы и в то же время воплощают различные аспекты единого образа эмигранта.

В характере Юй Ганькэ подчеркивается презрение к смерти и склонность к «бесстрашной авантюре» [33 С. 281–282]. Дягиров – опытный вояка, у него «белая нежная кожа», «острый нерв» и «любовь к тщеславию». Самый героический солдат в романе – Багров. В обычной жизни «горький пьяница и негодяй», на войне он – «бесстрашный солдат». Его героизм основан не на безрассудстве, это – хорошо подготовленный воин-профессионал.

Трогательная дружба героя-китайца и русских солдат питается духом братской взаимопомощи на войне. Душевная теплота русских военных подарила герою Хуан Цзунханю добрые чувства, а национальная гордость тоскующих по родине эмигрантов послужила примером китайскому народу в его национальной борьбе: *«Русские солдаты-эмигранты волею судеб были втянуты в гражданскую войну Китая и испытали ужасные потери в боях. На обширной китайской земле, от Шэньяна до Шанхая, от Циндао до Хэнани, везде и всюду возможно видеть могилы русских солдат и офицеров»* [34. С. 168]. При этом, отмечая лучшие воинские качества русских эмигрантов, писатель тем не менее отказывает им в непреложных достоинствах «совершенного мужа» (им может соответствовать только китаец), воюющего исключительно ради человеколюбия и Должного, а не ради денег и личной выгоды.

Заключение

Процесс рецепции феномена эмиграции и восприятия эмигрантов в китайском этническом сознании пришелся на годы яростной общественно-политической борьбы внутри китайского общества, становления новой коммунистической идеологии и новой эстетики, ориентированной на советские

образцы. В лучших образцах китайской литературы 20–40-х годов XX века гуманистический настрой авторов позволил снять с образов восприятия эмигрантов стереотип «жестокости и варварства». В корреляции «своего» и «чужого» образ восприятия русских эмигрантов стал подобен зеркалу, отражающему образы самовосприятия прогрессивных китайцев в тот период истории. При этом в литературном творчестве китайских авторов отразились сложные процессы работы этнического сознания, обнажились фреймы, присущие китайцам в восприятии иностранцев с глубокой древности.

Примечания

- (1) Красно-белый спор – конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (Дальневосточный конфликт), советско-китайский вооруженный конфликт, произошедший в 1929 году после захвата Чжан Сюэляном контроля над Китайско-Восточной железной дорогой, являвшейся совместным советско-китайским предприятием. В ходе последующих боевых действий Красная армия разгромила противника. Подписанный 22 декабря Хабаровский протокол положил конец конфликту и восстановил существовавший до столкновений статус дороги.
- (2) Война центральных равнин – май – ноябрь 1930 года, гражданская война в гоминьдановском Китае.

Список литературы

- [1] *Забияко А.П.* Фреймы в религиоведении // Вестник Российского сообщества преподавателей религиоведения. 2008. № 1. С. 33–35.
- [2] *Забияко А.А.* Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. 447 с.
- [3] *Lu Shuxiang, Ding Shengshu.* Xiàndài hànyǔ cídiǎn [吕淑湘, 丁声树. 现代汉语词典]. Beijing, Shangwu yinshuguan, 2016.
- [4] *Xīn shídài èhàn xiángjiě dà cídiǎn* [新时代俄汉详解大词典]: in 4 vols. Vol. 4. S–Ya. Beijing, Shangwu yinshuguan, 2014.
- [5] *Телия В.Н., Опарина Е.О.* Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак // Культурология. 2011. № 1. С. 145–148. URL: <https://rucont.ru/efd/472129> (дата обращения: 16.09.2019).
- [6] *Li Dingsheng.* Xiàndàiyǔ cídiǎn [李鼎声. 现代语辞典]. Shanghai, Guangming shudian, 1933.
- [7] *Yang Hui.* Zhōngé wénběn shìyù xià de qúqīubái wénxué sīxiǎng [杨慧. 中俄文本视域下的瞿秋白文学思想] // Jílín dàxué xuébào [吉林大学学报]. 2015. No. 2. Pp. 133–139.
- [8] *Балакишин П.П.* Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во ГПИИБ, 2013. 528 с.
- [9] *Jin Gang.* Èluósī wénhuà duì jìnxīàndài dōngběi wénxué de yǐngxiǎng [金钢. 俄罗斯文化对近现代东北文学的影响]. Beijing, Publishing House of Social Studies Source, 2018.
- [10] *Pageaux D.-H.* Une perspective d'études en littérature comparée: l'imagerie culturelle. Synthesis. Bucharest, 1981. 228 p.
- [11] *Chao Juren.* Lǔxùn niánpǔ [曹聚仁. 鲁迅年谱]. Beijing: People's Literature, 1981.
- [12] *Zhang Hong.* 1927–1937 nián shànghǎi jǐngchá [章红. 1927–1937 年上海警察]. Shanghai: Shanghai ancient book, 2004.
- [13] *Kuang Xinnian.* 1928 nián de gé mìng wénxué [旷兴年. 1928 年的革命文学]. Jinan: Shandong Education, 1998.

- [14] Fǎn dìguó zhūyì duì sūlián de wǔzhuāng gōngjī [反帝国主义对苏联的武装攻击] // Hóngsè zhōnghuá [红色中华]. 1931. No. 3.
- [15] Li Yimang. Suí bǐ – báirén yímín yǔ zhōngguó wúchǎnjiējí [李一氓. 随笔 – 白人移民与中国无产阶级] // Bā ěr dǐ shān [巴尔底山]. 1930. No. 2.
- [16] Yang Hui. Kǔnán de fēngjǐng: 1930 niándài zhōngguó wénxué zhōng de báié qǐgài [杨慧. 苦难的风景: 1930年代中国文学中的白俄乞丐] // Nán kāi dà xué xué bào [南开大学学报]. 2013. No. 4. Pp. 119–129.
- [17] Lu Xun. Tī [鲁迅. 踢] // Shēnbào: zìyóu tán [申报: 自由谈]. 1933. No. 2.
- [18] Feng Naichao. Piànduàn: cóng báié lǎopózi shuōqǐ [冯乃超. 片断: 从白俄老婆子说起] // Xiàndài xiǎoshuō [现代小说]. 1929. No. 1. P. 3.
- [19] Shu Qun. Wú guójí de rénmen [舒群. 无国籍的人们] // Zhàn dì [战地]. Shanghai: Bei Xin, 1938.
- [20] Ma Jia. Fùchóu zhī lù [马加. 复仇之路] // Shìjiè dòngtài [世界动态]. 1936. No. 1. P. 61.
- [21] Wang Yamin. 20 shìjì 20–30 niándài zhōngguó xiàndài wénxué yǔ éqiáo wénxué zhōng de shànghǎi [王亚民. 20世纪 20–30年代中国现代文学与俄侨文学中的上海] // Lánzhōu xuékān [兰州学刊]. 2015. No. 8. Pp. 6–11.
- [22] Qian Xingcun. Yīgè luósuǒ nǚrén [钱杏邨. 一个罗索女人] // Xīnliú yuèbào [新流月报]. 1929. No. 2.
- [23] Qian Xingcun. Yīgè luósuǒ nǚrén [钱杏邨. 一个罗索女人] // Qián xìng cūn wén jí [钱杏邨文集]. Shanghai: Modern Book, 1929. Pp. 373–393.
- [24] Zhang Mingyang. Báié zài yuǎndōng [张明养. 白俄在远东] // Tài bái [太白]. 1935. No. 4.
- [25] Zhou Lengjia. Qiáo mín [周楞伽. 侨民] // Shēnbào: zìyóu tán [申报: 自由谈]. 1933. No. 2. P. 6.
- [26] Cheng Bibing. Hòu xù [程碧冰. 后序] // Zài bìngyuàn zhōng [在病院中]. Shanghai: Shenzhou Guoguang, 1931. P. 5.
- [27] Wei. Báié zài hāěrbīn [微. 白俄在哈尔滨] // Hàn xuè zhōukān [汗血周刊]. Harbin, 1935. Pp. 14–20.
- [28] Jin Yi. Yǔn [靳以. 陨] // Dōngfāng [东方]. Shanghai, Commercial Press, 1931. Pp. 11–27.
- [29] Zhang Yan. Kǒng zǐ xíngxiàng xiángxī [张岩. 孔子形象详析] // Liáoníng dàxué xué bào [辽宁大学学报]. 2003. Pp. 35–36.
- [30] Zhou Yunpeng. Mínzú zhūyì wénxué lùn 1930–1937 [周云鹏. 民族主义文学论 1930–1937]: PhD Thesis, Philological Sciences. Shanghai, 2005.
- [31] Qin Jiaqi. Guānyú “yòuyì” wénxué yánjiū ruògàn wèntí de sīkǎo [秦家琪. 关于“右翼”文学研究若干问题的思考] // Nánjīng shīfàn dàxué xué bào [南京师范大学学报]. 1986. No. 3. Pp. 32–40.
- [32] Huang Zhenxia. Shìjiè de zhǔrén [黄震遐. 世界的主人] // Shēnbào: yìshù jiè [申报: 艺术界]. 1928. No. 2.
- [33] Huang Zhenxia. Lǒnghǎi xiànshàng [黄震遐. 陇海线上]. Shanghai, Shanghai Bookstore, 1989.
- [34] Li Xinggen. Éqiáo zài zhōngguó [李兴耕. 俄侨在中国]. Beijing, Bureau of the Central Committee of the Translation and Editing, 1997.

References

- [1] Zabayako, A.P. (2008). Freimy v religiovedenii [Frames in Religious Studies]. *Vestnik Rossiiskogo soobshchestva prepodavatelei religiovedeniya* [Bulletin of the Russian community of teachers of religious studies], (1), 33–35.
- [2] Zabayako, A.A. (2016). *Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: Kul'tura i literatura russkogo Kharbina* [Mentality of the Far Eastern Frontier: Culture and Literature of Russian Harbin]. Novosibirsk, SO RAN Publ.

- [3] Lv, Shuxiang, & Ding, Shengshu. (2016). *Xiàndài hànyǔ cídiǎn* [*Dictionary of modern Chinese*]. Beijing, Shangwu yinshuguan Publ. (In Chinese.)
- [4] *Xīn shídài èhàn xiángjiě dà cídiǎn* [*The Big Russian-Chinese Explanatory Dictionary of the New Era*] (vol. 4. S–Ya). (2014). Beijing, Shangwu yinshuguan Publ. (In Chinese.)
- [5] Teliya, V.N., & Oparina, E.O. (2011). Kul'turnaya konnotatsiya kak sposob voploshcheniya kul'tury v yazykovoi znak [Cultural connotation as a way of translating culture into a linguistic sign]. *Kul'turologiya* [*Cultural studies*], (1), 145–148. Retrieved September 16, 2019, from <https://rucont.ru/efd/472129>
- [6] Li, Dingsheng. (1933). *Xiàndàiyǔ cídiǎn* [*Modern dictionary of the Chinese language*]. Shanghai, Guangming shudian Publ. (In Chinese.)
- [7] Yang, Hui. (2015). Zhōnggé wénběn shìyù xià de qúqīubái wénxué sīxiǎng [Literary thought Qu Qiubai in the horizon of Chinese and Russian texts]. *Jilin dàxué xuébào* [*Bulletin of Jilin University*], (2), 133–139. (In Chinese.)
- [8] Balakshin, P.P. (2013). *Final v Kitae: Vozniknovenie, razvitie i ischeznovenie beloi emigratsii na Dal'nem Vostoke* [*Finale in China: The emergence, development and disappearance of white emigration in the Far East*] (vol. 1, 170–171). Moscow, GPIB Publ.
- [9] Jin, Gang. (2018). *Éluósī wénhuà duì jìnxìàndài dōngběi wénxué de yǐngxiǎng* [*The influence of Russian culture on modern northeastern literature*]. Beijing, Publishing House of Social Studies Source. (In Chinese.)
- [10] Pageaux, D.-H. (1981). *Une perspective d'études en littérature comparée: L'imagerie culturelle. Synthesis*. Bucharest.
- [11] Chao, Juren. (1981). *Lǚxùn niánpǔ* [*Biography of Lu Xun*]. Beijing, People's Literature Publ. (In Chinese.)
- [12] Zhang, Hong. (2004). *1927–1937 nián shànghǎi jǐngchá* [*Shanghai police in the 1927–1937s*]. Shanghai, Shanghai ancient book Publ. (In Chinese.)
- [13] Kuang, Xinnian. (1998). *1928 nián de gémìng wénxué* [*Revolutionary literature of 1928*]. Jinan, Shandong Education Publ. (In Chinese.)
- [14] Fǎn dìguó zhǔyì duì sūlián de wǔzhuāng gōngjī [Anti-imperialist armed attack on the Soviet Union] (1931). *Hóngsè zhōnghuá* [*Red China*], (3). (In Chinese.)
- [15] Li, Yimang. (1930). Suí bǐ – báirén yímín yǔ zhōngguó wúchǎnjiējí [Essays – White Emigrant and Chinese Proletariat]. *Bā ěr dī shān* [*Baerdishan*]. (In Chinese.)
- [16] Yang, Hui. (2013). Kǔnán de fēngjǐng: 1930 niándài zhōngguó wénxué zhōng de báié qǐgài [Suffering landscape: an emigrant beggar in Chinese literature in the 1930s of the 20th century]. *Nán kāi dà xué xué bào* [*Bulletin of Nankai University*], (4), 119–129. (In Chinese.)
- [17] Lu, Xun. (1933). Tī [Kick]. *Shēnbào: zìyóu tán* [*Shenbao: Free talk*]. (In Chinese.)
- [18] Feng, Naichao. (1929). Piànduàn: cóng báié lǎopózi shuōqǐ [Excerpt: From the story of a white emigrant wife]. *Xiàndài xiǎoshuō* [*Modern romance*], (1), 3. (In Chinese.)
- [19] Shu, Qun. (1938). Wú guójí de rénmen [Stateless]. *Zhàn dì* [*Battlefield*]. Shanghai, Bei Xin Publ. (In Chinese.)
- [20] Ma, Jia. (1936). Fùchóu zhī lù [Road to revenge]. *Shìjiè dòngtài* [*World News*], (1), 61. (In Chinese.)
- [21] Wang, Yamin. (2015). 20 shìjì 20–30 niándài zhōngguó xiàndài wénxué yǔ éqíáo wénxué zhōng de shànghǎi [Shanghai in modern Chinese literature and Russian foreign literature in the 1920–1930s of the 20th century]. *Lánzhōu xuékān* [*Lanzhou Research*], (8), 6–11. (In Chinese.)
- [22] Qian, Xingcun. (1929). Yīgè luósuǒ nǚrén [Woman Luo Suo]. *Xīnliú yuèbào* [*Monthly Xin Liu*]. (In Chinese.)
- [23] Qian, Xingcun. (1929). Yīgè luósuǒ nǚrén [Woman Luo Suo]. *Qián xìng cūn wén jí* [*Collection of Qian Xingcun*]. Shanghai, Modern Book Publ. (In Chinese.)
- [24] Zhang, Mingyang. (1935). Báié zài yuǎndōng [White emigrant in the Far East]. *Tài bái* [*Tai Bai*]. (In Chinese.)
- [25] Zhou, Lengjia. (1933). Qiáo mín [Emigrants]. *Shēnbào: zìyóu tán* [*Shenbao: Free talk*], (2), 6. (In Chinese.)

- [26] Cheng, Bibing. (1931). Hòu xù [Afterword]. *Zài bìngyuàn zhōng* [In the hospital] (p. 5). Shanghai, Shenzhou Guoguang Publ. (In Chinese.)
- [27] Wei. (1935). Báié zài hāerbīn [White emigrant in Harbin]. *Hàn xué zhōukān* [Weekly Hang Xue] (pp. 14–20). Harbin. (In Chinese.)
- [28] Jin, Yi. (1931). Yǔn [Meteorite]. *Dōngfāng* [East] (pp. 11–27). Shanghai, Commercial Press. (In Chinese.)
- [29] Zhang, Yan. (2003). Kǒng zǐ xíngxiàng xiángxī [Exploring the image of Confucius]. *Liáoníng dàxué xuébào* [Bulletin of Liaoning University] (p. 35–36). (In Chinese.)
- [30] Zhou, Yunpeng. (2005). *Mínzú zhūyì wénxué lùn 1930–1937* [A study of nationalist literature in the 1930–1937s] (PhD Thesis, Philological Sciences). Shanghai. (In Chinese.)
- [31] Qin, Jiaqi. (1986). Guānyú “yòuyì” wénxué yánjiū ruògàn wèntí de sīkǎo [Reflections on some issues of studying the literature of the “right wing”]. *Nánjīng shīfàn dàxué xuébào* [Bulletin of Nanjing Educational University], (3), 32–40. (In Chinese.)
- [32] Huang, Zhenxia. (1928). Shìjiè de zhǔrén [Lord of the world]. *Shēnbào: yìshù jiè* [Shenbao: Art]. (In Chinese.)
- [33] Huang, Zhenxia. (1989). Lǒnghǎi xiànshàng [Longhai lines]. Shanghai, Shanghai Bookstore. (In Chinese.)
- [34] Li, Xinggeng. (1997). *Éqiáo zài zhōngguó* [Russian emigrants in China]. Beijing, Bureau of the Central Committee of the Translation and Editing. (In Chinese.)

Сведения об авторе:

Лю Шу, магистр филологии, аспирант кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-8155-3421>.

Bio note:

Shi Liu, Master of Philology, postgraduate student of the Department of Literature and World Art Culture of Amur State University. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-8155-3421>.